

А. Ф. Литвина

*Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
(Москва, Россия)*

Ф. Б. Успенский

*Институт славяноведения РАН /
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
(Москва, Россия)*

«...И В КИЕВЕ МЯ ПОСАДИТЬ И ОТЦЕМЬ МЯ НАЗВАТЬ А Я ЕГО СЫНОМ». ОТЦЫ И ДЕТИ В ДИНАСТИИ РЮРИКОВИЧЕЙ XII В.*

Структура власти на Руси в домонгольское время, а точнее, в XI — первой половине XIII в., была такова, что каждый княжич, потомок Владимира Святого по мужской линии, по праву рождения располагал и правом на власть, правом на землю. Объем этих властных привилегий на протяжении его жизни в каждый конкретный момент определялся принципами родового старшинства и, лишь до известной степени, личными качествами самого князя. Сочетание этих факторов давало возможность тому или иному Рюриковичу продвигаться по иерархической лестнице или, напротив, препятствовало этому продвижению. В этих условиях весьма значимыми оказываются некоторые параметры династической жизни, не связанные напрямую ни с тем местом, которое князь получал в генеалогической системе Рюриковичей по рождению, ни с его индивидуальными качествами. Со времен наследников Ярослава Мудрого своеобразной дискриминации подвергаются молодые князья, лишившиеся отцов при жизни деда, а иногда и попросту относительно рано осиротевшие. С другой стороны, взрослый князь, утративший сыновей или никогда их не имевший, также оказывается ущемлен в своем династическом статусе, и хотя его право на власть не оспаривается как таковое, он практически теряет возможность занимать какой-либо из старших, наиболее престижных княжеских столов в русской земле. Со временем династия вырабатывает особые защитные механизмы, призванные предохранять членов династии от перспективы подобного рода ущербности.

---

* В данной научной работе использованы результаты проекта «Общее и особенное в динамике культурного и политического развития на Востоке и Западе Европы в X–XVII вв.», выполненного в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2016 году.

Ключевые слова: Древняя Русь, термины родства, династия Рюриковичей, наследование власти, бездетность, сиротство, генеалогическое старшинство.

В истории любого правящего рода Средневековья находятся фигуры, чья судьба как-то не укладывается в общепринятый порядок вещей, но тем не менее как раз на примере их жизни многое в этом общепринятом порядке становится для современного исследователя более ясным. Есть такие князья-исключения, которые собою как бы подтверждают правило, и в династии домонгольских Рюриковичей. Так, существует своеобразная загадка Вячеслава, одного из сыновей Владимира Мономаха, который на протяжении долгого времени почему-то оказывается ущемлен в своих династических правах. Собственно говоря, «не повезло» даже его династическому имени, которое в следующих поколениях князей воспроизводится довольно редко и неохотно. Создается впечатление, что у Вячеслава Владимировича то ли недостает чего-то, что нужно полноценному князю, то ли, напротив, есть что-то лишнее, мешающее легитимности его прав. Как кажется, для подобного рода загадки можно предложить свое объяснение: речь идет о конкретном изъяне, природу которого вполне удастся уловить, а природа эта, в свою очередь, связана с достаточно интересными, на наш взгляд, закономерностями структурирования власти на Руси XII в.

Самое яркое проявление ущербности Вячеслава приходится на тот момент, когда князь, казалось бы, достигает естественного пика своей династической карьеры и становится — вслед за отцом и двумя старшими братьями — киевским князем. Как известно, старший из этих братьев, Мстислав, вовсе не сталкивался со сколько-нибудь серьезными попытками оспорить его право на киевское княжение. Следующий брат, Ярополк Владимирович, был вынужден бороться за это право со Всеволодом Ольговичем, представителем черниговской ветви, с которым состоял в родстве и свойстве¹. Борьба эта была весьма упорной, но всякий раз Ярополк находил достаточно сил, чтобы и после военного поражения не отдавать Киев сопернику, и в конце концов его преимущество было признано безоговорочно.

С Вячеславом же, когда он после смерти Ярополка садится в Киеве, сразу выходит явная незадача: к городу подступает Всеволод, причем летописец подчеркивает, что тот явился, собрав «мало дружины», но зато с двумя братьями, родным и двоюродным (Святославом Ольговичем и Владимиром Давыдовичем):

...и оувѣда Всеволодь Ярополка. оумерша. а Вячславъ сѣдить в Киевѣ. и събравъ мало дружины съ братомъ своимъ. Стославомъ и с Володимеромъ Дѣдцемъ придоша Вышегороду. и сташе тоу въшедше в городъ [ПСРЛ, II: 302].

Данная ремарка повествователя свидетельствует о том, что Ольговичи стремятся не к настоящей войне, а к неким, так сказать, силовым переговорам. Характерно,

¹ Ярополк и Всеволод были не только троюродными братьями, но Всеволод еще и женился на племяннице Ярополка, дочери Мстислава Великого.

в частности, что Всеволод даже не приводил с собой своих родичей-половцев, охотно помогавших ему в военных конфликтах с Ярополком.

Совершенно неожиданным образом Вячеслав даже не попытался оказать этой малочисленной дружине Всеволода сопротивления, но сразу же отказался от Киева, а вместе с ним и от собственного родового старшинства. В Ипатьевской летописи для передачи данного обстоятельства используется любопытная с филологической точки зрения формулировка — *створисл мнии*, т. е. добровольно занял позицию младшего в иерархии². Рассказ Лаврентьевской летописи ни в чем не противоречит такой трактовке событий, он, пожалуй, лишь несколько менее детализирован и эмоционален. Подчеркнем еще раз, что понижение родового статуса Вячеслава обставлено не как результат военной победы черниговского князя, а скорее как некая церемониально-легитимная смена власти, организованная согласно договоренности: Всеволод, уже действующий на окраинах Киева, должен отойти обратно в Вышгород с тем, чтобы дать Вячеславу время спокойно отправиться в «свою волость», в Туров; лишь после этого Всеволоду надлежит занять столицу «с ч⁶тью и славою великою» [ПСРЛ, II: 303].

Ни митрополит, ни киевляне, совсем недавно принявшие Вячеслава на киевское княжение, никак не возражают против подобного развития событий. Такое описание очень резко контрастирует с рассказами о том, как вел себя старший брат Вячеслава, Ярополк, когда Всеволод Ольгович пытался подступить к Киеву, или их младший брат Андрей, которого Всеволод, уже сделавшись киевским князем, хотел выдворить из Переяславля и отнюдь не преуспел в этом [ПСРЛ, I: 307–308].

Некая княжеская ущербность Вячеслава этим эпизодом династической истории отнюдь не исчерпывается. Она отчетливо прослеживается с середины 30-х до начала 50-х гг. XII в., причем ущемляют его права не только Ольговичи, но и свои — ближайшие родичи, брат и племянники Мономашичи (ср., например, [ПСРЛ, II: 295, 297]). С другой стороны, эти родичи прекрасно отдают себе отчет в том, что в их семейной ветви — а под некоторым углом зрения и среди Рюриковичей вообще — Вячеслав обладает бесспорным старшинством.

В той смуте конца 40-х — начала 50-х гг. XII в., которая разгорелась после смерти Всеволода Ольговича, все главные действующие лица, принадлежащие к потомству Мономаха, — и Юрий Долгорукий, младший брат Вячеслава, и Изяслав Мстиславич, его племянник, — твердо знают, что по родовому счету из всей

² Весьма показателен фрагмент из «Повести временных лет», где князь также добровольно констатирует свое меньшинство по отношению к собеседнику: «...посылаше к Сѣлгови мира проса. глѣ азъ ѣсмь мнии тебе слиса к ѿцю моему. а дружину юже ѣси зааль вороти. а азъ тебе во все^а послушаю» [ПСРЛ, I: 238]. Существенно, однако, что здесь речь идет об обращении юного племянника, Мстислава, к своему двоюродному дяде, Олегу Святославичу, который вдобавок приходится ему крестным отцом. Иными словами, княжеская добродетель Мстислава заключается именно в том, что он охотно и добровольно признает действительное и очевидное старшинство Олега в родовой иерархии, хотя имеет все шансы выиграть военное противостояние с ним. Вячеслав же и Всеволод принадлежат к одному поколению, и о бесспорности старшинства Всеволода речь, разумеется, не идет.

их родни именно Вячеславу должен принадлежать Киев, и в то же время это должествование с успехом обходят (ср., например, [ПСРЛ, II: 429]). Вячеслав все время оказывается в какой-то амбивалентной и, безусловно, проигрышной ситуации, когда он должен и одновременно не должен получать этот главный стол, хотя он, по его собственным словам, имеет и силу, и дружину. Согласно летописному рассказу, в определенный момент Юрий Долгорукий, заняв Киев, совсем уж было собрался отдать его брату, в соответствии с должным порядком вещей, однако его отговаривают бояре, утверждая, что «братоу твоемоу не оудержати Киева да не боудеть. его не тобѣ ни шному» [ПСРЛ, II: 394]³.

Что же не так с Вячеславом Владимировичем?

Разумеется, объяснение вереницы подобных казусов можно свести к разговору о личных качествах этого князя, который будто бы был незадачлив и неспособен к военным действиям. Однако, во-первых, такое объяснение годится фактически для чего угодно, для любой нетривиальной исторической ситуации, а во-вторых, мы, пожалуй, можем выделить некую группу примеров, когда тот или иной князь благодаря своим личным качествам получает более того, что ему полагается по рождению, но практически не знаем случаев, чтобы права того или иного Рюриковича столь демонстративно и при всеобщем согласии умалялись по отношению к его исходному иерархическому статусу.

И наконец, в-третьих, в летописи мы не находим ни одного упоминания о каком бы то ни было личностном изъяне Вячеслава Владимировича, способном спровоцировать столь заметные династические последствия. Напротив, Вячеслав предстает перед нами миротворцем и противником кровопролития, зачастую весьма успешным посредником в переговорах между князьями. Можно было бы усмотреть в этом какой-то недостаток в воинской доблести, но в этом смысле его характеристики практически тождественны характеристикам его брата Ярополка Владимировича, вполне успешно княжившего в Киеве. В традиции же русского летописания похвала княжескому миролюбию как таковая отнюдь не связывается с завуалированным намеком на недостаточную воинскую доблесть, слабость или полководческую бездарность.

Более того, нетрудно заметить, что в биографии Вячеслава довольно долгие годы ущербности как бы вставлены в рамку княжеского карьерного благополучия. При жизни отца ничто не предвещает будущей неполноценности этого князя. Вячеслава, по-видимому еще совсем юного, Владимир Мономах посылает с половецким отрядом на помощь старшему брату Мстиславу [ПСРЛ, I: 239; II: 229]. Он возглавляет правый фланг войска, ведущего битву со Святославичами, и противостоит младшему из них — Ярославу. Скорее всего, именно он остается при

³ В Никоновской летописи в соответствующем эпизоде появляется еще одна группа лиц, побуждающих бояр отговорить князя от приглашения Вячеслава, — собственные дети Юрия Долгорукого [ПСРЛ, IX: 183]. Весьма вероятно, что самим упоминанием неких советчиков, которые «размолвиша» Юрия, мы обязаны необходимости объяснить, как это нередко случается в летописном нарративе, не вполне легитимный поступок князя, который намеревался действовать как должно, но затем — вопреки достойному замыслу — все же оставил старший стол себе.

старшем брате, пока их отец, Владимир Мономах, ведет переговоры с Олегом Святославичем⁴. В дальнейшем вместе с другими братьями он участвует в отцовских военных походах на половцев [ПСРЛ, I: 282] и в междоусобных битвах. В частности, Ипатьевская летопись особо отмечает его роль в походе на Глеба Всеславича: именно Вячеслав берет Оршу и Копысу, Ярополк Владимирович же, будущий князь киевский, вместе с Давыдом Святославичем захватывают Друцк [ПСРЛ, II: 282–283], так что между братьями наблюдается своего рода равенство, если не некоторый перевес в пользу Вячеслава.

В свой черед, в соответствии со старшинством — Вячеслав был, судя по всему, пятым сыном Мономаха — он получает от отца достаточно значительный смоленский стол, а в начальный период княжения брата Мстислава мы обнаруживаем его в Турове. Иными словами, до поры до времени, приблизительно до начала 30-х гг. XII в., воинские качества Вячеслава не подвергаются сомнению, а его княжеские права не обнаруживают никакой дефектности.

С другой стороны, в последние годы жизни Вячеславу удалось «свое старшинство «вправить» [ПСРЛ, II: 428] и сделаться, хотя явно не самым главным, но участником соправления в Киеве, которое в разные периоды можно считать дуумвиратом или триумвиратом. Почета ему достается, пожалуй, больше, чем властных привилегий, но необходимость считаться с его старшинством остается вплоть до смерти Вячеслава несомненной, незыблемой и лишеной всякой двойственности.

Что же задает эту рамку, если мы можем сказать, что в начале и в конце княжеской жизни у Вячеслава все было более или менее как полагается, а на зрелый возраст приходится такой странный провал? Как кажется, объяснение этому имеется. В начале растянувшейся на долгие годы черной полосы Вячеслав теряет сына, а конец ее ознаменован тем, что он сына или сыновей приобретает.

В самом деле, его взрослый и на тот момент, по всей видимости, единственный сын Михалко умирает в июле 1129 г. Обратим внимание, что этот молодой князь в летописи прежде не упоминался вовсе. Тем не менее сообщение о его смерти весьма детализированно:

В се же лѣто престависѧ Вячъславичъ Михаило. внукъ Володимерь. июля. въ ѿсе [ПСРЛ, II: 293]⁵.

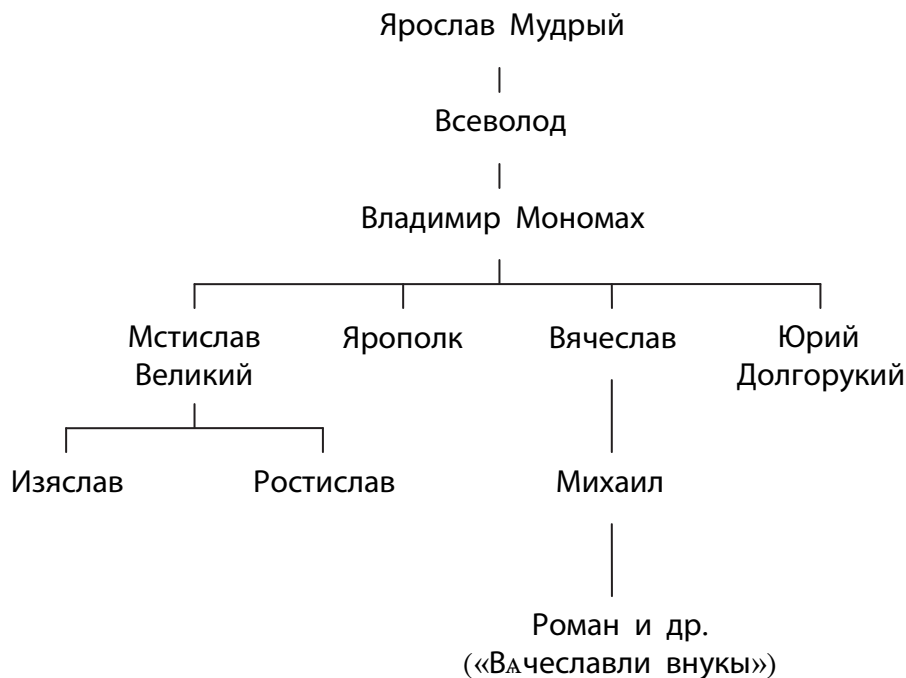
Обычно отчество и дедчество, да еще и сопровождающиеся точной датой смерти, указывают или на высокое положение усопшего в княжеской иерархии, или на прекращение конкретной родовой линии⁶. Очевидно, что в случае с Ми-

⁴ С хорошей вероятностью именно Вячеслав был тем безымянным «малыи́ братомъ» Мстислава, который упоминается в письме Мономаха к кузену.

⁵ В соответствующей записи Лаврентьевской летописи упоминание деда умершего князя отсутствует: «... в то же лѣтѣ престависѧ Михалко Вячъславичъ» [ПСРЛ, I: 301].

⁶ Ср., например: «Оумре Стославъ Володимиричъ. въ Вщижи внукъ Двдѣвъ» [ПСРЛ, II: 525]. Существенно иметь в виду, что на этом князе, Святославе Владимировиче Вщижском, пресеклась родо-вая линия не только его отца, но и деда (подробнее о нем см. ниже).

халко речь не может идти о маркированно высоком статусе этого князя, прежде попросту не появлявшегося в летописном нарративе. С другой стороны, с формально-биологической точки зрения не совсем понятно, почему мы имеем дело с прекращением полноценной семейной линии, ведь у Михалко остались дети, характеризующиеся в летописи как «Вачеславлѣ внуки» [ПСРЛ, II: 479].

Однако в династической жизни Рюриковичей малолетние, осиротевшие при жизни деда внуки взрослым сыновьям не замена, и полноценными наследниками деда они ни в коем случае не становятся. Вячеслав же к этому времени отнюдь не молод, и если не сразу, то в ближайшие годы становится ясно, что других детей мужского пола у него не предвидится. Во всяком случае, к моменту, когда настала пора ему сменить брата Ярополка на киевском столе, никакого сколько-нибудь взрослого сына в его распоряжении нет, и именно это и делает, на наш взгляд, его претензии на родовое старейшинство весьма уязвимыми.

Под таким углом зрения становится заметно, что в XII в. никакому князю не удастся надолго закрепиться на киевском столе, если у него нет сыновей кровных или, так сказать, благоприобретенных. Это не абсолютный закон, но ярко выраженная тенденция. Отсутствие мальчиков достаточно длительное время спустя после женитьбы, по-видимому, существенно снижает карьерный потенциал князя. Дело здесь не сводится к сугубо практической, военно-стратегической перспективе. В самом деле, киевскому князю, например, удобно иметь сына, чтобы с его помощью удерживать Новгород, Переяславль или какой-либо иной значимый город, однако не менее важным было и символическое значение права

старших в роду князей сажать на те или иные столы своих сыновей. В этом свете весьма характерна практика, когда властные и воинские полномочия делегируются совсем юным Рюриковичам, которым по возрасту заведомо далеко до княжеского совершеннолетия, — на них возлагаются обязанности, предназначенные куда более зрелому княжичу, хотя, казалось бы, от взрослого воеводы или наместника князю-отцу было бы в целом ряде таких случаев куда больше проку.

Даже если речь не идет о претензиях на Киев, отсутствие наследников мужского пола накладывает определенный отпечаток на династический портрет Рюриковича. Обратим внимание на нескольких князей с явно нестандартной династической судьбой. Одним из первых на ум приходит, конечно же, Никола Святоша — первый, а на долгое время и единственный из русских правителей, кто принял постриг не на смертном одре, не неволей, не в минуту смертельной опасности. Семья у Святоши была, была и дочь, ставшая женой Всеволода Мстиславича [ПСРЛ, III: 19, 203], а вот сыновей, перешагнувших черту младенчества, судя по всему, не было. Мы, разумеется, не хотим сказать, что именно из-за этого он постригся, но отсутствие наследников мужского пола, вероятно, облегчало возможность подобного решения: приняв монашество при живом отце (Давыде Святославиче), он обрек бы своих наследников мужского пола на ту же участь, что ждала бы сыновей в случае смерти князя, при живом отце умершего.

Про другого князя-инока, Игоря Ольговича, мы знаем со всей определенностью, что у него была жена [ПСРЛ, II: 335], однако никакие сыновья ни при нем, ни при его жене или братьях никогда не упоминаются в летописи, по-видимому, у этой пары их попросту не было. Про Игоря, конечно, нельзя утверждать, что он не усидел на киевском столе именно из-за отсутствия сыновей, — тому имелось, как известно, сразу множество причин, — но вполне вероятно, что свою роль во всей этой сложной ситуации сыграл и «демографический фактор». Любопытно в этом свете, что в самом начале его династического взлета, в тот краткий миг, когда киевляне согласились иметь Игоря своим князем, в летописи вдруг появляется довольно неожиданная идея некоего дуумвирата — княженье предлагают Игорю и его брату Святославу [ПСРЛ, II: 321–322] (ср. [Пресняков 1993: 80]). Не исключено, что подобная идея соправления хотя бы отчасти объясняется тем, что у Святослава, в отличие от его старшего брата Игоря, сыновья в это время были и по крайней мере один из них уже входил в пору отрочества⁷.

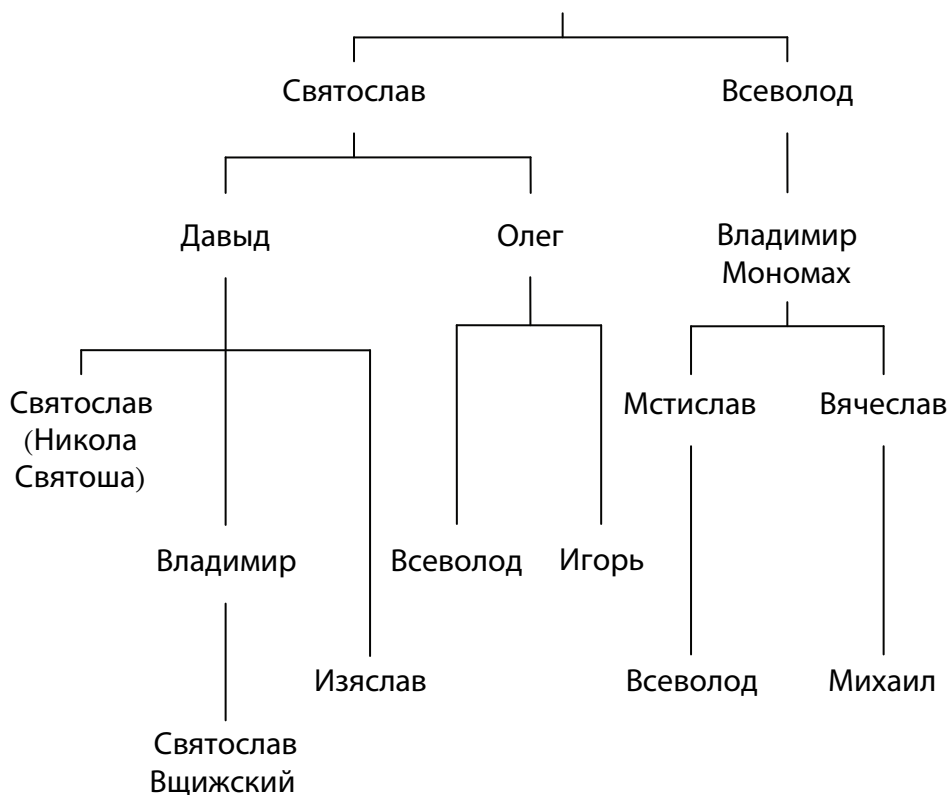
Если обозначенная нами тенденция и в самом деле существовала, то каким образом киевский стол мог, хотя бы и недолго, занимать, например, Изяслав

---

⁷ Говоря о Святославе Ольговиче, нельзя еще раз не вспомнить, сколь рано Рюриковичи в XII в. стремились вовлечь маленьких мальчиков в церемониально-договорную жизнь. Едучи к своему союзнику Юрию Долгорукому в Москву на обед, Святослав берет с собой не только собственного старшего сына Олега, которого в перспективе планирует женить на дочери Юрия, но и своего внучатого племянника, сына Святослава Всеволодича, союз с которым ему так важен; хотя этот внучатый племянник — еще совсем дитя, однако он уже выступает легитимным представителем своего отца [ПСРЛ, II: 339–340].

Давыдович, о чьих родных сыновьях в летописи также решительно ничего не сообщается? У него, по-видимому, был к началу киевского княжения полноценный заместитель сына, родной племянник-сирота Святослав Владимирович Вщижский. Изяслав исполняет по отношению к этому племяннику все те обязанности и предоставляет ему все те полномочия, которые обыкновенно связывают отца и сына — в частности, именно он занимается обустройством брака Святослава [ПСРЛ, I: 350; II: 508], его, еще совсем юного, он пытается оставить на княжеском столе в Чернигове, переместившись оттуда в Киев [ПСРЛ, II: 490], в нем он видит своего основного союзника, а вероятнее всего, и преемника. Плану преемничества не суждено было осуществиться, Святослав Владимирович пережил не только своего отца, но и погибшего в битве дядю, однако отнюдь не унаследовал Чернигов. Ему предстояло стать последним мужским представителем дома Давыдова (старшей линии наследников Святослава Ярославича) в роду Рюриковичей.

Ярослав Мудрый

Упомянув об осиротелом племяннике, мы подошли к другой стороне интересующей нас проблемы, которая исследователями традиционно обозначается как *изгойство*. Очень огрубляя дело, ее можно сформулировать так: в XI, а отчасти и в первой трети XII в. князь, оставшийся без отца при живом деде, а иногда и попросту

осиротевший прежде, чем его удалось посадить на какой-либо княжеский стол, теряет то место в родовой иерархии, которое в принципе ему предназначалось по рождению, он как бы пропускается в счете родового старшинства⁸.

В сущности, вся названная эпоха окрашена династическими конфликтами, возникающими на почве изгойства и, так сказать, полуизгойства. Достаточно упомянуть, насколько неудачно складывалась княжеская карьера потомков Владимира Ярославича, старшего сына Ярослава Мудрого, который скончался при жизни своего отца. Ярослав не наделил в своем завещании осиротевших внуков (Владимировичей) тем, что причиталось бы его сыну, их отцу. Их собственное положение, а затем и положение их детей оказалось демонстративно двусмысленным и вновь и вновь провоцировало существеннейшие княжеские конфликты. В самом деле, они, с одной стороны, как будто бы являли собой старшую ветвь потомков Ярослава Мудрого, но с другой — были исключены из нормального родового счета, не могли совершать восхождение по ступеням династической лестницы, которое было предусмотрено для каждого Рюриковича.

Неслучайно в «Поучении» Владимира Мономаха мы находим пассаж о том, что общие родственники предлагают ему сговор с целью лишить внуков несчастного Владимира Ярославича всего. Столь же неслучайно, однако, Мономах отвечает им отказом [ПСРЛ, I: 241]. И совсем уж неслучайно, что именно в этой родовой линии наших изгоев впервые после длительного перерыва появляется имя основателя династии — *Рюрик*, свидетельствующее о том, что они не оставили своих чаяний о старшинстве, о родовом наследии и династическом первенстве.

Складывается впечатление, что ситуация, когда сын умирает раньше отца и внуки становятся сиротами при живом деде, остается неиссякаемым источником династической фрустрации на протяжении последней трети XI и начала XII столетия⁹. Обратим внимание, что княжеское изгойство в ту пору не ограничивается

⁸ Мы намеренно не останавливаемся здесь на знаменитой статье об изгойстве из «Устава Всеволода»: «Изгой трѣи: поповъ с(ы)нъ грамоты не оумѣть, холопъ из' холопства выкупитсѧ, коупѣць ѡдол'жаетъ. А се четвертое изгойство и себе приложимъ: аще кн(язь) ѡсиротѣтъ» [Щапов 1976: 157, § 17]. Время возникновения текста как такового, а тем более приписки о четвертом, княжеском изгойстве вызывает серьезные разногласия у исследователей, не является абсолютно прозрачным и ее содержание. Тем не менее целый ряд наглядных фактов, когда внуки — сыновья рано умершего князя — явно обходятся при разделе дедовского наследия между членами правящего рода, недвусмысленно свидетельствуют об ущербном положении таких сирот, каким бы термином оно ни обозначалось в домонгольской Руси. Об этой статье в «Уставе Всеволода» см. также: [Литвина, Успенский 2015].

⁹ Позволим себе предположить, что косвенным образом рефлексия по поводу ненормальности подобной ситуации отразилась в том, как составитель «Повести временных лет» использует знаменитый апокриф об Аврааме, его отце Фаре и брате Аране (Ароне). Аран, пытавшийся спасти кумиров из пламени, погибает, но эта кара трактуется летописцем в весьма своеобразном ключе: «...згорѣ ту Аранъ. и оумре пре^а ѡдѣмъ. пре [так в изд.] сѣмъ бо не оумиралъ сѣъ предъ ѡдѣмъ. но ѡдѣ пре^а сѣомъ. и ѡ сего начаша оумирати сѣове пре^а ѡдѣмъ» [ПСРЛ, II: 79] (об источниках этого рассказа, присутствующего, в частности, у Георгия Амартола [Истрин 1920: 81], см. [Шахматов 1940: 136; Водолазкин 2006: 901]). Не проводя грубых параллелей, можно сказать, что почти вся эпоха сложения «Повести временных лет» озаменована династической невозможностью

внуками, осиротевшими при живом деде, оно имеет свойство проецироваться и на тех княжичей, кто попросту рано остался без отца. Таков, по-видимому, казус Давыда Игоревича, чей отец, Игорь Ярославич, хотя и пережил собственного отца, но скончался то ли не имея возможности, то ли не успев наделить своего совсем юного сына каким-либо столом. Подобное сиротство оказывалось в ту пору фактором пожизненным — трудно забыть сколь поздно, с какими трудами и как ненадолго Давыду Игоревичу удавалось заполучить отцовское Владимиро-Волынское княжение.

Конечно, утверждение, что рано осиротевшему князю с точки зрения наследования власти приходится плохо, довольно тривиально в отношении любой династии. Специфической, хотя и не уникальной чертой ранних Рюриковичей является мера и степень выпадения внуков-сирот при живом деде из родового счета. На эту судьбу обречено, в сущности, и все их потомство. Так происходит не только в семье Ярослава Мудрого, но и гораздо позже, в середине XII в., например, с осиротевшими внуками князя Вячеслава Владимировича. Кроме того, не только молодому князю плохо остаться без отца, плохо это и для династии в целом, поскольку данный факт постоянно провоцирует военный конфликт между должным и сущим.

Возвращаясь от внуков и дедов к отцам и детям, еще раз подчеркнем, что за полвека, охватывающие конец XI столетия и самое начало XII, династия Рюриковичей претерпела множество бедствий именно от целой чреды изгойских конфликтов, а заодно и от конфликтов дядей и племянников. Нельзя не заметить, что это, по сути, две стороны одной и той же проблемы: дяди не наделяют ничем рано осиротевших племянников, а те стремятся отнять у них свое отцовское наследство, часто трактуемое весьма расширительно. По-видимому, в поколении сыновей Владимира Мономаха в ту пору, когда эти сыновья становятся достаточно взрослыми, начинают вырабатываться механизмы для предотвращения таких и подобных им ситуаций.

Постепенно складывается практика внутрисемейных договоров, когда двое или несколько князей-братьев, уже имеющих семьи, заключают соглашение друг с другом. Соглашения эти, с одной стороны, касаются преемственности между самими братьями, а с другой — переводят тех племянников, которым суждено будет осиротеть раньше, под покровительство дяди, оставшегося в живых после смерти их отца. Можно предположить, что такая традиция начинается с Мстислава и Ярополка, причем весьма вероятно, что прообраз этого соглашения был выработан еще при их отце Владимире Мономахе¹⁰.

преодолеть эту выходящую за пределы естественного порядка вещей ситуацию, когда сын умирает раньше отца, а не отец раньше сына.

¹⁰ О том, какую роль сыграл Владимир Мономах в договоренности между своими сыновьями, Мстиславом и Ярополком, см. [Назаренко 2009: 88–102]. Автор исследования полагает, что конечной целью Мономаха было формирование цепочки преемственности, в которую были бы включены он сам, его старший сын Мстислав и старший сын Мстислава — Всеволод. Ярополку же отводилась скромная функция промежуточного звена между Мстиславом и Всеволодом, а все прочие сыновья Владимира Мономаха, по замыслу отца, попросту отстранялись от наследования киевского стола.

К этому времени у Мстислава было уже несколько достаточно взрослых сыновей, однако Киев, как уже упоминалось, он передает не им, но Ярополку, следующему по старшинству брату, а тот, в свою очередь, весьма последовательно стремится предоставить своим осиротевшим племянникам Мстиславичам ключевые столы, которые надлежит занимать сыновьям киевского князя. В подобном контексте чрезвычайно интересен вопрос о родных сыновьях Ярополка Владимировича. Насколько можно судить по летописным источникам, в ту пору, когда готовился план его киевского княжения, сколько-нибудь подросших мальчиков в семье Ярополка не было. Появляющийся заметно позднее на страницах летописей загадочный Василько Ярополчич, хотя и был, по всей видимости, его сыном, внуком Владимира Мономаха, родился, что называется, слишком поздно, когда отец уже княжил в Киеве. Этот Василько не мог быть учтен при заключении договора Мстислава с братом, не мог стать и опорой, пусть даже символической, для своего отца, когда тот получил старший стол. И тем не менее, благодаря целой серии предварительно заключенных соглашений, Ярополк ни в коей мере не воспринимался как князь бездетный. Династическую нишу его сыновей заняли племянники, сыновья покойного брата Мстислава.

Модель договора между братьями получает свое развитие: несколько позднее, скорее всего после смерти отца, Владимира Мономаха, еще двое его сыновей — Юрий Долгорукий и Андрей Добрый — заключают аналогичный договор друг с другом. Теперь речь не идет о бездетности (сыновья есть у обоих братьев), но преимущественно о судьбе племянников в случае их сиротства. Подобным моделям договоров, включающих некое соглашение о порядке наследования братьев друг другу и, с другой стороны, об активном соблюдении интересов оставшихся без отца племянников, предстоит многократно тиражироваться. Соглашения между братьями с самого начала нередко закреплялись в имянаречении (один из младших сыновей Мстислава, например, становится *Ярополком*, а один из сыновей Юрия — *Андреем*) [Литвина, Успенский 2006: 71–110]. Направленность этого имянаречения устроена таким образом, что имя младшего брата достается одному из сыновей старшего, — это соответствует некоторой логике, ведь старший ожидается умрет раньше младшего, а к тому перейдут под покровительство его дети.

Судя по всему, до сыновей Мономаха у Рюриковичей не было ни нужды, ни охоты для подобных соглашений. Однако по мере разрастания династии родные братья хотя бы по контрасту с двоюродными в большей мере вынуждены были

Мы не находим в летописных источниках явных признаков существования такой династической программы, однако для обсуждающейся в нашей статье проблемы наиболее существенно, что проекту этому, даже если он имел место, не суждено было воплотиться среди ближайших потомков Мономаха, как и не суждено было тиражироваться и подхватываться во все последующие десятилетия, вплоть до конца домонгольского времени. У Рюриковичей не наблюдается ни переключения с горизонтального наследования власти на вертикальное, ни буквального следования результатам Любечского соглашения. Если такая идея и существовала, то династический обиход воспринял от нее лишь некий отрезок, элемент построения — договор между братьями, подразумевающий непосредственную преемственность и заботу о политической участи осиротевших племянников.

держаться заодно. Обратим внимание, что в той модели профилактики изгойства, которая вырабатывается, условно говоря, к концу первой трети XII в., есть своего рода изъяны, которые довольно быстро начинают сказываться. Так, поначалу в поколении сыновей Мономаха договоры заключаются не между всеми братьями, а между парами, наиболее близкими по возрасту и по иерархии. Первые соглашения такого типа еще воспринимаются как разовые, штучные, нечто связанное с конкретными нуждами и личными взаимоотношениями. Как кажется, именно из-за того, что данная практика не успела приобрести сколько-нибудь регулярного характера, Вячеслав Владимирович попадает в зону, ею не охваченную, — лишившись сына, он обнаруживает себя «между двух стульев».

Однако именно в эпоху Вячеслава, в эпоху династических конфликтов конца 40-х — начала 50-х гг. XII в., оттачивается механизм, который — при продуманном и грамотном ведении дел — не давал бы сыновьям не ко времени остаться без отца, а отцу на пике своей княжеской карьеры остаться без сыновей. Прежде всего, вырабатывается дополнительная модель, позволяющая наверстать упущенное, когда при наличии особого договора племянники, чей отец уже скончался, функционально могли полностью заменить сыновей своему дяде или, не заменяя, сделаться, так сказать, дополнительными его сыновьями. Если даже это не было сделано заблаговременно, пока отец этих юных или даже довольно взрослых сирот был еще жив, то возможным оказывается заключить особое соглашение непосредственно между заинтересованными младшими и старшим родичами.

С филологической точки зрения весьма характерно, что до эпохи этой княжеской смуты в летописи мы обнаруживаем довольно много примеров, когда в прямой или косвенной речи летописного нарратива старший брат, старший зять или даже неродственник становится для того или иного Рюриковича *яко отец* или *во отца место*. Действительно, в соответствии со всем укладом родовой жизни старший родич по отношению к младшему издревле может отчасти перенимать роль отца. Однако вплоть до ситуации княжеской уособицы конца 40-х — первой половины 50-х гг. в сообщениях летописи всегда присутствует показатель метафоризации термина *отец* («яко», «во отца место»). Лишь начиная с интересующего нас периода тот, кто биологически и генеалогически отцом не является, может быть назван *отцом* без этих маркеров метафоризации.

Так, Вячеслав охотно и многократно именуется *отцом* своих племянников Изяслава и Ростислава с той самой поры, как между ними заключен соответствующий договор. Однако к этой единственной коллизии дело не сводится. Острый династический конфликт спровоцировал своеобразную борьбу за племянников — *отцом* начинает именоваться и дядя по матери [ПСРЛ, II: 343], что в андроцентрической системе наследования власти у Рюриковичей несколько неожиданно и весьма симптоматично. *Отцом*, судя по летописи, юный осиротевший правитель может называть и шурина, старшего брата своей жены, который заменил ей отца [ПСРЛ, II: 446, 452]. Если говорить о прямой речи князей в Ипатьевской летописи, то производит впечатление, насколько охотно именно в этот период и именно такого рода «искусственные сыновья» используют обращение *отче*, адресуясь к «искусственным

отцам»¹¹. Во всяком случае, они это делают чаще, чем сыновья родные, — за подобным обращением может скрываться, некая церемониальная демонстративность, подчеркиваемая как летописцем, так, по-видимому, и самими князьями.

Характерно, что летопись сохранила всего одно детализированное описание процедуры такой договоренности с крестоцелованием¹², после которой небιологический отец именуется *отцом* безо всяких метафор и риторических фигур, и касается оно именно Вячеслава Владимировича и его племянника Изяслава Мстиславича. С этого-то момента и кончается бессыновство, а заодно и династическая ущербность Вячеслава Владимировича. Никто настолько охотно и многократно не именуется чьим-либо *отцом* на столь коротком временном пространстве нарратива, как Вячеслав по отношению к своим племянникам Изяславу и Ростиславу [ПСРЛ, II: 418, 419, 422, 427, 428, 429, 430, 437, 459, 461, 470, 471, 472, 473]. Термин *отец* применяется к нему с момента заключения договора, покуда он жив¹³.

Итак, можно сказать, что в начале 50-х гг. XII в. династия нашла некое решение, как немолодому отцу не остаться без сына, как юному сыну не остаться без отца и как племяннику не стать врагом своему дяде. Разумеется, такая модель срабатывала далеко не всегда, но ее тактическая и стратегическая сила достаточно очевидна.

Очень интересно, до какого, собственно, возраста сыну требовался отец и, наоборот, с какого возраста княжич годился на роль символического репрезентанта своего родителя. Здесь можно рассматривать множество частных и выразительных коллизий, хотелось бы только подчеркнуть, что раннее вовлечение княжича в политическую

¹¹ Подробнее о роли и функционировании подобных терминов искусственного, конструируемого родства в период противостояния Изяслава Мстиславича и Юрия Долгорукого см. в работе: [Лавренченко 2014].

¹² Ср.: «оутрии же днь Изаславъ посла оу Вышегородъ къ ѿцю своему Вячеславу и ре^и ему ѿце кланю ти са а чо ми Бъ ѿца моего Мистислава ѿчалъ. а ты ми еси ѿць ны^и кланю ти^с сыгръшилъ есмь. и первое. а того са каю. а изнова. коли ми Бъ даль побъдити Игоря. оу Києва а д есмь на тобъ ч^ти не положилъ. а потомъ коли оу Тумаша. ны^и же ѿце того всего каюса. пре^а Бмъ и пре^а тобою. вже ми ѿче того ѿдаси. ты то и Бъ ми ѿдасть. ны^и же ѿче все даю ти Києвъ. поъди сади же на столъ дѣда своего и ѿца своего Вячеславъ же ре^и снѹ Бъ ти помози. вже на мене еси ч^ть възложилъ. то аще бы ты и давно тако оучинилъ. то ци мене еси поч^тилъ Бя еси. поч^тилъ аже дѣши ты мои еси ѿць а ты мои и снѹ оу тебе ѿца нѣту а оу мене снѹ нѣтуть. а ты же мои снѹ ты же мои братъ и на томъ хр^ть ч^тьныи целоваста. јако не разлучити^с има ни въ добрѹ ни въ злѹ но по вдному мѣсту быти» [ПСРЛ, II: 418].

¹³ Замечательно, что, как только Вячеслав умирает, искусственный характер его отцовства по отношению к племяннику сказывается в словоупотреблении. В самом известии о смерти князя, в рассказе о погребении, о раздаче его наследства он все еще фигурирует как *отец* Ростислава Мстиславича. Ср. следующие ремарки в прямой и косвенной речи: «оутрии же днь пригнаша. к Ростиславу ис Києва и повѣдаша ему ѿца ти Вячеслава Бъ поаль», «...и тако плакаса по ѿци свое^и и проводи его до гроба. съ ч^тью великою. съ множествомъ народа. и положиша оу стѣна Софья идеже лежить Йрославъ прадѣдъ его. и Володимиръ ѿць его», «и съзва мужа ѿца своего Вячеслави и тивунъ и ключники. каза нести имъне. ѿца своего передъ са». Но как только все эти церемонии завершены, окружение Ростислава переключается в иной регистр и предупреждает своего князя: «се Бъ поаль *строга* [курсив наш. — А. Л., Ф. В.] твоего Вячеслава. а ты са еси еще с людми Києвъ не оутвердилъ» [ПСРЛ, II: 472–474].

жизнь рода, по-видимому, не является симптомом чрезвычайно раннего взросления Рюриковича, но призвано, помимо всего прочего, уберечь его от изгойства.

С другой стороны, весьма интересен вопрос о том, как развивается в дальнейшем модель отцовства дяди по отношению к племянникам, до срока лишившимся отца или по какой-либо иной причине оказавшимся отлученными от тех династических прав, на которые они могли бы рассчитывать по рождению. В этом отношении чрезвычайно интересной представляется княжеская стратегия еще одного Рюриковича из племени Мономаха, князя Ярослава Владимировича, чья активная деятельность приходится на последнее двадцатилетие XII и самое начало XIII в. Он был сыном Владимира Мачешича и внуком Мстислава Великого, который скончался в ту пору, когда отец Ярослава был еще совсем мал. Все потомство Мачешича оказалось, таким образом, в положении полуизгоев, Ярослав же фигурирует в летописях по преимуществу как свояк Всеволода Большое Гнездо. Считается, что его положение на новгородском столе целиком и полностью обеспечивалось этим свойством с могущественным владими́ро-суздальским князем.

Однако исследователями уже высказывались предположения, что Ярослав в значительной степени строил свою политическую стратегию в Новгороде на идее преемственности по отношению к другому Всеволоду, Всеволоду Мстиславичу, некогда возвращенному как новгородский князь и долго на этом столе княжившему [Гиппиус 2005]. Этот Всеволод, как известно, был самым старшим из сыновей Мстислава Великого, тогда как Владимир Мачешич — самым младшим. Трудно вообразить, чтобы при жизни между ними возникли какие-либо сепаратные договоренности, а тем более соглашения о судьбе племянников: Владимир был ребенком, когда Всеволод умер, их разделяла целая череда средних братьев, и никто из детей Мачешича в глаза не видел старшего дядю.

Тем не менее не исключено, что Ярослав Владимирович много десятилетий спустя пытался — в духе сложившихся традиций — репрезентировать себя как своеобразного сына и наследника своего скончавшегося дяди, тем более что собственных потомков мужского пола у Всеволода Мстиславича, судя по всему, не осталось. В таком случае мы имели бы дело со следующим витком символизации интересующей нас модели отцовства дяди, однако этот сюжет требует дальнейших разысканий и дополнительного исследования.

Литература

Водолазкин 2006 — *Е. Г. Водолазкин*. Краткая хронографическая Палея (текст), вып. 1 // ТОДРЛ. Т. LVII. СПб., 2006. С. 890–915.

Гиппиус 2005 — *А. А. Гиппиус*. Князь Ярослав Владимирович и новгородское общество конца XII века // Церковь Спаса на Нередице: От Византии к Руси. К 800-летию памятника / Отв. ред. О. Е. Этингоф. М., 2005. С. 11–25.

Истрин 1920 — *В. М. Истрин*. Книги временья и образья Георгия Мниха: Хроника Георгия Амартола в древнем славянском переводе (Текст, исследование, словарь). Т. I: Текст. Пг., 1920.

Лавренченко 2014 — *М. Л. Лавренченко*. «Быти всѣм за один брат»: Прагматика терминов родства в диалогах Киевской летописи (1146–1154) // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. № 1 (55). 2014. С. 43–57.

Литвина, Успенский 2006 — *А. Ф. Литвина, Ф. Б. Успенский*. Выбор имени у русских князей в X–XVI вв.: Династическая история сквозь призму антропоники. М., 2006.

Литвина, Успенский 2015 — *А. Ф. Литвина, Ф. Б. Успенский*. Княжеское сиротство: Об одном актуальном параметре престолонаследия на Руси XII в. // Вспомогательные исторические дисциплины и источниковедение: современные исследования и перспективы развития. Материалы XXVII ежегодной международной научной конференции. Москва, 9–11 апреля 2015 г. М., 2015. С. 58–64.

Назаренко 2009 — *А. В. Назаренко*. Династический проект Владимира Мономаха: попытка реформы киевского столонаследия в 30-е годы XII века // А. В. Назаренко. Древняя Русь и славяне (историко-филологические исследования). М., 2009. С. 88–102.

Пресняков 1993 — *А. Е. Пресняков*. Княжое право Древней Руси: Очерки по истории X–XII столетий. Лекции по русской истории: Киевская Русь / Подгот. текста, ст. и примеч. М. Б. Свердлова. М., 1993.

ПСРЛ — Полное собрание русских летописей. Т. I–XLIII. СПб./Пг./Л.; М., 1841–2009¹⁴.

Шахматов 1940 — *А. А. Шахматов*. «Повесть временных лет» и ее источники // ТОДРЛ. Т. IV. Л., 1940. С. 9–150.

Щапов 1976 — Древнерусские княжеские уставы: XI–XV вв. / Изд. подгот. Я. Н. Щапов. М., 1976.

Anna. F. Litvina

*National Research University Higher School of Economics
(Moscow, Russia)*

Fedor B. Uspenskij

*Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences /
National Research University Higher School of Economics
(Moscow, Russia)*

FATHERS AND SONS IN RURIKID DYNASTY (12TH CENTURY)

The system of political succession in pre-Mongol Russia was that every prince, a descendant of Vladimir the Great in the male line, possessed the right to power, the right to land. The amount of power privileges during prince's life was determined by rules of

---

¹⁴ В случае переиздания летописи мы, кроме специально отмеченных случаев, всегда ссылаемся на последнее издание.

genealogical seniority, and only to a certain extent, by the personal qualities of the member of the dynasty himself. The combination of these factors made it possible to move up or down the hierarchical ladder. Under these conditions, some parameters of dynastic life were very substantial, not directly connected with either the position that member of the clan occupied in a “staircase” system by birth or his individual qualities. Since the time of Yaroslav’s the Wise heirs there was a peculiar discrimination against young princes who lost their fathers during the life of their grandfathers, and sometimes simply relatively early orphaned. On the other hand, adult Rurikids, who lost their sons or were childless, were appreciably infringed upon their dynastic rights. Although the right to rule of such Rurikid was not disputed, he virtually lost the ability to hold senior most prestigious thrones. Over time, the Rurikids started to produce special protective means aiming to protect the members of the clan from this kind of dynastic inferiority.

Keywords: Medieval Russia, terms of kinship, Rurikids dynasty, system of succession, childlessness, orphanage, genealogical seniority.